

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ¹

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К ИЗДАНИЮ 1891 ГОДА

Предлагаемая работа была впервые опубликована в 1849 г. в ряде номеров «*Neue Rheinische Zeitung*»², начиная с 4 апреля, в виде передовых статей. В основу ее положены лекции, читанные Марксом в 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе³. Полностью работа напечатана не была; хотя в № 209 в конце статьи было помещено уведомление: «Продолжение следует», публикация ее прекратилась вследствие нахлынувших тогда событий — вступления русских в Венгрию⁴, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене⁵, — событий, повлекших за собой запрещение (19 мая 1849 г.) самой газеты. Рукописи, являвшейся продолжением этой работы, в литературном наследии Маркса не оказались⁶.

Отдельным изданием, в виде брошюры, «Наемный труд и капитал» выпускался несколько раз, в последний раз — в 1884 г. в Хоттинген-Цюрихе «Швейцарским типографским товариществом». Во всех вышедших до сих пор изданиях точно воспроизводился текст оригинала. Но так как настоящее новое издание представляет собой брошюру пропагандистского характера и должно разойтись в количестве не менее 10 000 экземпляров, передо мной встал вопрос, одобрил ли при таких условиях сам Маркс перепечатку текста без всяких изменений.

В сороковых годах Маркс еще не завершил своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятих годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.)⁷, в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые, с точки зрения позднейших работ, являются неудачными и даже неверными. Само собой разумеется, что в обычных изданиях, предназначенных для читающей публики вообще, должна найти себе место и эта более ранняя точка зрения автора, составляющая одну из ступеней его духовного развития, что и автор, и публика имеют бесспорное право на перепечатку этих более ранних произведений без всяких изменений. При подобном издании мне и в голову не пришло бы изменить в этих произведениях хотя бы одно слово.

¹ Публикуя «*Наемный труд и капитал*», Маркс ставил своей задачей в популярной форме обрисовать экономические отношения, составляющие материальную основу классово-борьбы в капиталистическом обществе. Он стремился дать пролетариату теоретическое оружие — глубоко научное понимание того, на чем зиждется в капиталистическом обществе классовое господство буржуазии и наемное рабство рабочих. Развивая исходные положения своей теории прибавочной стоимости, Маркс формулирует в общем виде тезис об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме. Работа публикуется в данном издании по тексту второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, с учетом изменений, внесенных Энгельсом в издание 1891 года.

² «*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — выходила еженедельно в Кельне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года; в состав редакции входил Энгельс.

³ *Немецкое рабочее общество* в Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией.

⁴ Имеется в виду интервенция царских войск в Венгрию в 1849 г. с целью подавления венгерской буржуазной революции и восстановления власти австрийских Габсбургов.

⁵ Речь идет о восстаниях народных масс в Германии в мае — июле 1849 г. в защиту имперской конституции (принята франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г., но отвергнута рядом немецких государств). Эти восстания носили разобщенный, стихийный характер и были подавлены к середине июля 1849 года.

⁶ Впоследствии в рукописном наследии Маркса был обнаружен подготовительный набросок для последней или ряда последних лекций на тему о наемном труде и капитале в виде рукописи, озаглавленной «Заработная плата» и имеющей пометку на обложке: «Брюссель, декабрь 1847 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 579—602). По содержанию эта рукопись отчасти дополняет незаконченную работу Маркса «Наемный труд и капитал». Однако подготовленные для печати завершающие части работы «Наемный труд и капитал» среди рукописей Маркса не обнаружены.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 1—167.

Другое дело, когда новое издание предназначено, можно сказать, исключительно для пропаганды среди рабочих. В этом случае Маркс безусловно привел бы старое, относящееся к 1849 г. изложение в соответствие со своей позднейшей точкой зрения. И я уверен, что, внося в *это издание* некоторые изменения и добавления, необходимые для того, чтобы во всех существенных пунктах достигнуть такого соответствия, я действую вполне в его духе. Итак, я заранее предупреждаю читателя: эта брошюра дается здесь не в таком виде, как Маркс ее написал в 1849 г., а приблизительно в таком, как он написал бы ее в 1891 году. К тому же подлинный текст разошелся в таком большом количестве экземпляров, что этого вполне достаточно до тех пор, пока мне не представится возможность переиздать его без изменений в будущем полном собрании сочинений.

Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд*, согласно теперешнему тексту, — свою *рабочую силу*. По поводу этого изменения я должен дать разъяснение. Разъяснение рабочим, чтобы они видели, что здесь перед нами не пустое буквоедство, а, напротив, один из важнейших пунктов всей политической экономии. Разъяснение буржуа, чтобы они могли убедиться, насколько необразованные рабочие, для которых легко можно сделать понятными самые сложные экономические выводы, превосходят наших заносчивых «образованных» людей, для которых такие запутанные вопросы остаются неразрешимыми на всю жизнь.

Классическая политическая экономия⁸ заимствовала из промышленной практики ходячее представление фабриканта, будто он покупает и оплачивает *труд* своих рабочих. Этого представления было вполне достаточно фабриканту для ведения дел, для счетоводства и калькуляции цен. Однако, будучи наивным образом перенесено в политическую экономию, это представление породило там совершенно поразительные заблуждения и путаницу.

Политическая экономия сталкивается с фактом, что цены всех товаров, в том числе и цена того товара, который она называет «трудом», непрерывно изменяются; они повышаются и понижаются под влиянием весьма различных обстоятельств, которые часто не находятся ни в какой связи с производством самого товара, так что кажется, будто цены вообще определяются чистой случайностью. Когда политическая экономия выступила как наука⁹, одной из первых ее задач было найти закон, который скрывается за этим кажущимся господством случайности над товарными ценами и который в действительности сам господствует над этой случайностью. В рамках непрерывных изменений товарных цен и колебаний их то вверх, то вниз наука искала устойчивый центр, вокруг которого эти изменения и колебания совершаются. Словом, она отправлялась от товарных *цен* для того, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона *стоимость* товаров, исходя из которой можно было бы объяснить все колебания цен и к которой все они могли бы быть в конечном счете сведены.

И вот классическая политическая экономия нашла, что стоимость товара определяется заключающимся в нем трудом, необходимым для его производства. Этим объяснением она удовлетворялась. Мы тоже можем пока на этом остановиться. И только во избежание недоразумений я считаю нужным напомнить, что в настоящее время это объяснение стало совершенно недостаточным. Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходим для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда. Следовательно, если мы в настоящее время вместе с такими экономистами, как Рикардо, говорим просто, что стоимость товара определяется необходимым для его производства трудом, то при этом мы всегда подразумеваем сделанные Марксом оговорки. Этого указания

⁸ Маркс пишет в «Капитале»: «Под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 91). Крупнейшими представителями классической политической экономии в Англии были А. Смит и Д. Рикардо.

⁹ Ф. Энгельс пишет в работе «Анти-Дюринг», что «политическая экономия в более узком смысле, хотя и возникла в головах гениальных людей в конце XVII века, однако в своей положительной формулировке, которую ей дали физиократы и Адам Смит, по существу представляет собой детище XVIII века» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 155).

здесь достаточно; остальное можно найти у Маркса в работе «К критике политической экономии», 1859 г.¹⁰, и в первом томе «Капитала»¹¹.

Но как только экономисты применили определение стоимости трудом к товару «труд», они из одного противоречия впали в другое. Чем определяется стоимость «труда»? Заключающимся в нем необходимым трудом. Но сколько труда заключается в труде рабочего за один день, одну неделю, один месяц, один год? Труд одного дня, одной недели, одного месяца, одного года. Если труд есть мера всех стоимостей, то «стоимость труда» мы можем выразить только в труде. Но мы абсолютно ничего не знаем о стоимости одного часа труда, если нам известно лишь, что она равна одному часу труда. Этим мы ни на йоту не приблизились к цели; мы продолжаем вращаться в заколдованном кругу.

Тогда классическая политическая экономия сделала попытку в другом направлении; она сказала: стоимость товара равна издержкам его производства. Но что такое издержки производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны были совершить некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, увы, нельзя установить, они исследуют, что представляют собой издержки производства *рабочего*. А эти издержки установить можно. Они изменяются в зависимости от времени и обстоятельств, но при данном состоянии общества, в данном месте, в данной отрасли производства они являются тоже величиной данной, по крайней мере данной в довольно узких пределах. Мы живем в настоящее время в условиях господства капиталистического производства, при котором большой и все возрастающий класс населения может существовать лишь в том случае, если он работает за заработную плату на владельцев средств производства — орудий, машин, сырья и жизненных средств. В условиях этого способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме жизненных средств, — или в той их денежной цене, — которая в среднем необходима для того, чтобы сделать его трудоспособным, сохранить его трудоспособность и, когда он выходит из строя вследствие старости, болезни или смерти, заменить его новым рабочим, то есть чтобы обеспечить сохранение и увеличение в необходимом размере рабочего класса. Предположим, что денежная цена этих жизненных средств составляет в среднем 3 марки в день.

Итак, наш рабочий получает от нанимающего его капиталиста заработную плату в 3 марки в день. За это капиталист заставляет его работать, скажем, 12 часов в день. При этом капиталист делает примерно такой расчет:

Предположим, что наш рабочий, слесарь-станочник, должен изготовить такую деталь машины, которую он делает в один день. Пусть сырье — железо и латунь в необходимой предварительно обработанной форме — стоит 20 марок. Пусть потребление угля паровой машиной, износ этой паровой машины, токарного станка и всех прочих орудий, которыми работает наш рабочий, составляет, в расчете на один день и на одного рабочего, стоимость в 1 марку. Заработную плату за один день, по нашему предположению, составляют 3 марки. Итого на нашу деталь машины затрачивается 24 марки. Но капиталист рассчитывает получить за нее от своих покупателей в среднем цену в 27 марок, то есть на 3 марки больше произведенных им затрат.

Откуда берутся эти 3 марки, которые кладет себе в карман капиталист? По утверждению классической политической экономии, товары продаются в среднем по их стоимостям, то есть по ценам, которые соответствуют содержащемуся в этих товарах необходимому количеству труда. Следовательно, средняя цена нашей детали машины — 27 марок — была бы равна ее стоимости, равна заключающемуся в ней труду. Но из этих 27 марок 21 марка составляет стоимость, которая была налицо уже до того, как наш слесарь-станочник начал работать. 20 марок заключались в сырье, а 1 марка в сожженном за время работы угле или в употреблявшихся при этом машинах и орудиях, пригодность которых к действию соответственно уменьшилась. Остается 6 марок, которые были присоединены к стоимости сырья. Но эти 6 марок, по предположению самих наших экономистов, могут возникнуть только из труда,

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 13—38.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 43—80.

присоединенного нашим рабочим к сырью. Его двенадцатичасовой труд создал, таким образом, новую стоимость в 6 марок. Следовательно, стоимость его двенадцатичасового труда была бы равна 6 маркам. И тем самым мы, наконец, открыли бы, что такое «стоимость труда».

Стой! — восклицает наш слесарь-станочник. — Шесть марок? Но ведь я получил только три! Мой капиталист клянется всеми святыми, что стоимость моего двенадцатичасового труда равна только трем маркам, и он подымет меня на смех, если я потребую шесть. Как же связать одно с другим?

Если и раньше с нашей стоимостью труда мы попали в заколдованный круг, то теперь мы и вовсе оказались перед неразрешимым противоречием. Мы искали стоимость труда, а нашли больше, чем нам нужно. Для рабочего стоимость двенадцатичасового труда — это 3 марки, для капиталиста — 6 марок, из которых 3 он платит рабочему в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Таким образом, труд имел бы не одну, а две стоимости, и к тому же весьма различные!

Противоречие становится еще более нелепым, если стоимости, выраженные в деньгах, мы сведем к рабочему времени. В течение 12 часов труда создается новая стоимость в 6 марок. Значит, в течение 6 часов — 3 марки, сумма, которую рабочий получает за двенадцатичасовой труд. В качестве эквивалента за двенадцатичасовой труд рабочий получает продукт 6 часов труда. Итак, либо труд имеет две стоимости, из которых одна в два раза больше другой, либо 12 равны 6! В обоих случаях получается чистейшая нелепость.

Сколько бы мы ни изворачивались, мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока будем говорить о купле и продаже труда и о стоимости труда. Так оно и было с экономистами. Последняя представительница классической политической экономии, школа Рикардо, потерпела крах в значительной мере из-за того, что не смогла разрешить этого противоречия. Классическая политическая экономия зашла в тупик. Человеком, нашедшим выход из этого тупика, был Карл Маркс.

То, что экономисты рассматривали как издержки производства «труда», является издержками производства не труда, а самого живого рабочего. А то, что этот рабочий продает капиталисту, представляет собой не труд рабочего. «Когда его труд действительно начинается, — говорит Маркс, — он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан»¹². Итак, самое большее, что он может продать, — это свой *будущий* труд, то есть он может взять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. По тем самым он продает не труд (который еще только должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при поденной заработной плате) или для выполнения определенной работы (при поштучной заработной плате) свою рабочую силу: он отдает в наем, иначе говоря, продает, свою *рабочую силу*. Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки ее производства совпадают с издержками производства самого рабочего; то, что экономисты называли издержками производства труда, и представляет собой издержки производства рабочего, а, следовательно, — издержки производства рабочей силы. И таким образом мы можем от издержек производства рабочей силы перейти к *стоимости* рабочей силы и определить количество общественно необходимого труда, требующееся для производства рабочей силы определенного качества, — что и сделал Маркс в разделе о купле и продаже рабочей силы («Капитал», т. I, глава IV, раздел 3).

Что же происходит после того, как рабочий продал капиталисту свою рабочую силу, то есть предоставил ее в распоряжение капиталиста за предварительно условленную заработную плату — поденную или поштучную? Капиталист ведет рабочего в свою мастерскую или на фабрику, где уже имеются все необходимые для работы предметы: сырье, вспомогательные материалы (уголь, красители и т. д.), орудия, машины. Здесь рабочий принимается за работу. Пусть его дневная заработная плата составляет, как и предположено выше, 3 марки, — причем не имеет никакого значения, зарабатывает ли он их в форме поденной или поштучной заработной платы.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 547.

Точно так же мы здесь опять предполагаем, что своим трудом рабочий в течение 12 часов присоединяет к использованному сырью новую стоимость в 6 марок, которую капиталист реализует при продаже готового продукта. Из них он платит рабочему его 3 марки, остальные же 3 марки оставляет себе. Но если рабочий за 12 часов производит стоимость в 6 марок, то за 6 часов он создает стоимость в 3 марки. Следовательно, проработав на капиталиста шесть часов, рабочий уже возместил капиталисту эквивалент 3 марок, содержащихся в заработной плате. По истечении 6 часов труда оба они квиты, ни один из них не должен другому ни гроша.

Стой! — кричит теперь капиталист. — Я нанял рабочего на целый день, на двенадцать часов. А шесть часов — это только половина дня. Итак, живо опять за работу, пока не кончатся и остальные шесть часов, — только тогда мы будем квиты! И рабочему в самом деле приходится выполнять свой «добровольно» заключенный договор, по которому он обязался за продукт труда, стоящий 6 рабочих часов, работать целых 12 часов.

Так же обстоит дело и при поштучной оплате. Предположим, что наш рабочий за 12 часов изготовляет 12 штук товара. Приходящиеся на каждую штуку товара сырье и износ машин обходятся в 2 марки, а каждая штука продается за 2½ марки. Таким образом, при тех же условиях, которые предполагались выше, капиталист будет платить рабочему по 25 пфеннигов за штуку; за 12 штук это составит 3 марки, и, чтобы заработать их, рабочему требуется 12 часов. Капиталист получает за 12 штук 30 марок; за вычетом 24 марок на сырье и износ остается 6 марок, из которых он 3 марки выплачивает в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Все происходит так же, как и выше. И здесь рабочий 6 часов работает на себя, то есть для возмещения своей заработной платы (в каждый из 12 часов по ½ часа), и 6 часов на капиталиста.

Затруднение, о которое разбивались усилия лучших экономистов, пока они исходили из стоимости «труда», исчезает, как только мы вместо этого берем за исходный пункт стоимость «рабочей силы». В нашем современном капиталистическом обществе рабочая сила является товаром, таким же товаром, как и всякий другой, но все же товаром совершенно особого рода. Дело в том, что товар этот обладает особенным свойством — быть силой, создающей стоимость, источником стоимости, и притом — при надлежащем употреблении — источником большей стоимости, чем та, которую он сам имеет. При современном состоянии производства человеческая рабочая сила не только производит за день стоимость, превышающую ту, которую она сама имеет и в которую она обходится; с каждым новым научным открытием, с каждым новым техническим изобретением этот избыток дневного продукта рабочей силы над дневными издержками на нее возрастает; следовательно, та часть рабочего дня, в течение которой рабочий производит возмещение своей дневной заработной платы, сокращается, а, с другой стороны, та часть рабочего дня, в течение которой рабочему приходится *даром отдавать* капиталисту свой труд, не получая за это оплаты, удлиняется.

И таков экономический строй всего нашего современного общества: рабочий класс является тем единственным классом, который производит все стоимости. Ибо стоимость есть лишь иное выражение труда, такое выражение, которым в нашем современном капиталистическом обществе обозначается количество общественно необходимого труда, заключающегося в определенном товаре. Но эти производимые рабочими стоимости не принадлежат рабочим. Они принадлежат собственникам сырья, машин, орудий и авансируемых средств, которые позволяют этим собственникам покупать рабочую силу рабочего класса. Следовательно, из всей массы производимых им продуктов рабочий класс получает обратно только часть. Другая часть, которую класс капиталистов удерживает в своих руках и которой ему приходится делиться разве только с классом земельных собственников, как мы только что видели, возрастает с каждым новым изобретением и открытием, между тем как часть, достаемая рабочему классу (в расчете на душу); либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях может даже сокращаться.

Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта изо дня в день возрастающая в неслыханных до сих пор размерах производительность человеческого труда создают в конечном счете конфликт, от которого должно погибнуть современное капиталистическое хозяйство. На одной стороне — несметные богатства и избыток продуктов,

которыми не в силах овладеть покупатели. На другой стороне — громадная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому оказавшаяся не в состоянии присваивать этот избыток продуктов. Раскол общества на немногочисленный непомерно богатый класс и на огромный неимущий класс наемных рабочих приводит к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, в то время как огромное большинство его членов едва защищено или совсем не защищено от самой крайней нужды. Такое состояние общества с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно *должно* быть устранено, и оно *может* быть устранено. Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором — по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться. А что рабочие все больше и больше проникаются решимостью завоевать этот новый общественный строй, свидетельством тому будет по обе стороны океана наступающее завтра первое мая и воскресенье третьего мая¹³.

Лондон, 30 апреля 1891 г.

Фридрих Энгельс

Напечатано в приложении к газете «Vorwärts» № 109, 13 мая 1891 г. и в брошюре: Karl Marx «Lohnarbeit und Kapital». Berlin, 1891

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22, стр. 204—212

¹³ Энгельс имеет в виду празднование Первого мая в 1891 году. В некоторых странах (Англии, Германии) первомайский праздник отмечался в ближайшее после 1 мая воскресенье, которое в 1891 г. приходилось на 3 мая.

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ

С разных сторон нам приходилось выслушивать упреки в том, что мы не обрисовали *экономических отношений*, составляющих материальную основу современной классовой и национальной борьбы. Мы намеренно касались этих отношений только тогда, когда они непосредственно выдвигались на первый план в политических столкновениях.

Необходимо было прежде всего проследить классовую борьбу в ходе текущей истории и эмпирически доказать на уже имеющемся и каждый день вновь появляющемся историческом материале, что вместе с поражением рабочего класса, который совершил февральскую и мартовскую революции, были побеждены и его противники, буржуазные республиканцы во Франции, а на всем европейском континенте — классы буржуазии и крестьянства, боровшиеся против феодального абсолютизма; что победа «добропорядочной республики» во Франции была вместе с тем поражением наций, ответивших на февральскую революцию героическими войнами за независимость; наконец, что с поражением революционных рабочих Европа снова попала в свое старое двойное рабство — в *англо-русское рабство*. Июньская борьба в Париже, падение Вены, трагикомедия берлинского ноября 1848 года, отчаянное напряжение сил Польши, Италии и Венгрии, удушение Ирландии голодом — вот главные события, в которых нашла свое концентрированное выражение европейская классовая борьба между буржуазией и рабочим классом и на примере которых мы доказывали, что всякое революционное восстание, как бы далеко ни лежало, казалось, его цели от классовой борьбы, должно окончиться поражением, пока не победит революционный рабочий класс, что всякое социальное преобразование останется утопией, пока пролетарская революция и феодальная контрреволюция не померяются оружием в *мировой войне*. В нашем изображении, как и в действительности, *Бельгия и Швейцария* в великой исторической панораме представляли собой трагикомические, карикатурные жанровые картины: одна образцовое государство буржуазной монархии, другая образцовое государство буржуазной республики, обе — государства, воображающие, что они так же независимы от классовой борьбы, как и от европейской революции.

Теперь, после того как наши читатели видели развернувшуюся в грандиозных политических формах классовую борьбу 1848 года, настало время поближе рассмотреть сами экономические отношения, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих.

В трех больших разделах мы обрисовем: 1) отношение *наемного труда к капиталу*, рабство рабочего, господство капиталиста; 2) *неизбежный при современной системе процесс гибели средних буржуазных классов и так называемого бюргерского сословия*; 3) *торговое порабощение и эксплуатацию буржуазных классов различных европейских наций* деспотом мирового рынка — *Англией*.

Мы постараемся излагать все это как можно проще и популярнее, не предполагая у читателя знакомства даже с самыми элементарными понятиями политической экономии. Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие. К тому же в Германии повсюду, начиная с патентованных защитников существующего порядка и кончая *социалистическими шарлатанами и непризнанными политическими гениями*, которыми раздробленная Германия еще богаче, чем «отцами своих подданных», царит поразительнейшее невежество и путаница в понимании простейших экономических отношений.

Итак, прежде всего — первый вопрос:

Что такое заработная плата? Как она определяется?

Если спросить у рабочих: «Как велика ваша заработная плата?», то один ответит: «Я получаю от своего буржуа 1 марку за рабочий день», другой: «Я получаю 2 марки» и т. д. В зависимости от того, в какой отрасли труда они заняты, они назовут различную сумму денег, которую каждый из них получает от соответствующего буржуа за выполнение определенной работы, — например, за изготовление одного аршина холста или за набор одного печатного

листа. Несмотря на различие называемой ими суммы, все они сходятся в одном: заработная плата — это сумма денег, которую платит капиталист за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы.

Итак, кажется, будто капиталист *покупает* за деньги труд рабочих. Рабочие за деньги *продают* ему свой труд. Однако это лишь видимость. В действительности они продают капиталисту за деньги свою рабочую *силу*. Капиталист покупает эту рабочую силу на день, на неделю, на месяц и т. д. А после того как он ее купил, он потребляет ее, заставляя рабочих трудиться в течение условленного срока. За ту же сумму денег, за которую капиталист купил их рабочую силу, например за 2 марки, он мог бы купить 2 фунта сахара или определенное количество какого-нибудь другого товара. 2 марки, за которые он купил 2 фунта сахара, составляют *цену* 2-х фунтов сахара. 2 марки, за которые он купил двенадцать часов потребления рабочей силы, составляют цену двенадцатичасового труда. Стало быть, рабочая сила — товар, товар не в большей и не в меньшей степени, чем сахар. Первый измеряется с помощью часов, второй — с помощью весов.

Свой товар, рабочую силу, рабочие обменивают на товар капиталиста, на деньги, причем этот обмен совершается в определенной пропорции. Столько-то денег за столько-то времени потребления рабочей силы. За двенадцатичасовой труд ткача — 2 марки. Но разве эти 2 марки не представляют всех других товаров, которые можно купить за 2 марки? Стало быть, по существу рабочий обменял свой товар, рабочую силу, на всевозможные товары, и притом в определенной пропорции. Давая ему 2 марки, капиталист в обмен на его рабочий день дал ему столько-то мяса, столько-то одежды, столько-то дров, освещения и т. д. Следовательно, эти 2 марки выражают отношение, в котором рабочая сила обменивается на другие товары, выражают *меновую стоимость* его рабочей силы. Меновая стоимость товара, выраженная в *деньгах*, как раз и называется его *ценой*. Итак, *заработная плата* — это лишь особое название цены рабочей силы, которую обыкновенно называют *ценой труда*, цены этого своеобразного товара, который не может существовать иначе, как в человеческой плоти и крови.

Возьмем любого рабочего, например ткача. Капиталист предоставляет ему ткацкий станок и пряжу. Ткач принимается за работу, и пряжа превращается в холст. Капиталист забирает этот холст и продает его, скажем, за 20 марок. Является ли заработная плата ткача *долей* холста, *долей* 20 марок, *долей* продукта его труда? Ни в коем случае. Ведь ткач получил свою заработную плату еще задолго до того, как холст был продан,

быть может задолго до того, как он был соткан. Стало быть, капиталист платит эту заработную плату не из тех денег, которые он выручит за холст, а из денег, имеющих у него в запасе. Ткацкий станок и пряжа не являются продуктом того ткача, которому предоставил их буржуа, и точно так же не являются его продуктом те товары, которые он получает в обмен на свой товар, рабочую силу. Может случиться, что буржуа вовсе не найдет покупателя на свой холст. Может быть, при продаже холста он не выручит даже суммы, израсходованной на заработную плату. Возможно, что он продаст его весьма выгодно по сравнению с уплаченной ткачу заработной платой. Ткача все это совершенно не касается. На одну часть своего наличного состояния, своего капитала, капиталист покупает рабочую силу ткача совершенно так же, как на другую его часть он закупил сырье — пряжу, а также орудие труда — ткацкий станок. Сделав эти покупки — а к числу этих покупок принадлежит и необходимая для производства холста рабочая сила, — капиталист приступает к производству, причем *сырье и орудия труда принадлежат* только ему. Разумеется, к числу последних теперь относится также и наш добрый ткач, который, так же как и ткацкий станок, не имеет доли в продукте или в его цене.

Следовательно, заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющегося налицо товара, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительной рабочей силы.

Итак, рабочая сила есть товар, который его владелец, наемный рабочий, продает капиталу. Зачем он его продает? Чтобы жить.

Но проявление рабочей силы в действии, труд — это собственная жизнедеятельность рабочего, проявление его собственной жизни. И эту-то *жизнедеятельность* он продает другому, чтобы обеспечить себе необходимые *средства к жизни*. Значит, его жизнедеятельность есть для него только средство, дающее ему возможность существовать. Он работает для того, чтобы жить. Он даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью. Труд — это товар, проданный им другому. Поэтому и продукт его деятельности не составляет цели его деятельности. Для себя самого рабочий производит не шелк, который он тклет, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит *заработную плату*, а шелк, золото, дворец превращаются для него в определенное количество жизненных средств, быть может в хлопчатобумажную куртку, в медную монету, в жилье где-нибудь в подвале. И может ли рабочий, который 12 часов в сутки тклет, прядет, сверлит, точит, строит, копает, дробит камни, переносит тяжести и т. д., — может ли он считать это двенадцатичасовое ткачество, прядение, сверление, токарную, строительную работу, копание, дробление камней проявлением своей жизни, своей жизнью? Наоборот. Жизнь для него начинается тогда, когда эта деятельность прекращается, — за обеденным столом, у трактирной стойки, в постели. Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он тклет, прядет, сверлит и т. д., а в том, что это — способ *заработка*, который дает ему возможность поесть, пойти и трактир, поспать. Если бы шелковичный червь пряд для того, чтобы поддерживать свое существование в качестве гусеницы, он был бы настоящим наемным рабочим. Рабочая сила не всегда была *товаром*. Труд не всегда был наемным трудом, т. е. *свободным трудом*. Раб не продает свою рабочую силу рабовладельцу, так же как вол не продает своей работы крестьянину. Раб вместе со своей рабочей силой раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам он* — товар, но рабочая сила не является его товаром. *Крепостной* продает только часть своей рабочей силы. Не он получает плату от собственника земли; напротив, собственник земли берет дань с него.

Крепостной есть принадлежность земли и приносит плоды собственнику земли. Напротив, *свободный рабочий* сам продает себя, и притом продает по частям. Изю дня в день с публичного торга он продает 8, 10, 12, 15 часов своей жизни, продает тому, кто больше даст, — владельцу сырья, орудий труда и жизненных средств, т. е. капиталисту. Рабочий не принадлежит ни собственнику, ни земле, на 8, 10, 12, 15 часов его ежедневной жизни принадлежат тому, кто их покупает. Рабочий, как только захочет, покидает капиталиста, к которому нанялся, и капиталист, когда ему заблагорассудится, увольняет рабочего, увольняет, как только рабочий перестает приносить ему выгоду или не приносит ему такой выгоды, на какую капиталист рассчитывал. Но рабочий, для которого единственным источником заработка служит продажа рабочей силы, не может покинуть *всего класса покупателей, т. е. класса капиталистов*, не обрекая себя при этом на голодную смерть. Он принадлежит не тому или другому капиталисту, а *классу капиталистов в целом*; и уж его дело — найти себе хозяина, т. е. подыскать покупателя среди класса капиталистов.

Теперь, прежде чем остановиться подробнее на отношениях между капиталом и наемным трудом, изложим вкратце наиболее общие условия, играющие роль при определении заработной платы.

Как мы видели, *заработная плата* есть *цена* определенного товара — рабочей силы. Следовательно, заработная плата определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара.

Итак, спрашивается: *как определяется цена товара?*

Чем определяется цена товара?

Конкуренцией между покупателями и продавцами, отношением спроса к предложению, предложения к спросу. Конкуренция, при посредстве которой определяется цена товара, является *трехсторонней*.

Один и тот же товар предлагается различными продавцами. Кто продает товары одного и того же качества дешевле всех, тот наверняка одержит верх над остальными продавцами и обеспечит себе наибольший сбыт. Таким образом, продавцы ведут между собой борьбу за сбыт, за рынок. Каждый из них хочет продавать, продавать как можно больше, хочет по возможности продавать один, устранив остальных продавцов. Поэтому один продает дешевле другого. Стало быть, происходит *конкуренция между продавцами*, которая *понижает* цену предлагаемых ими товаров.

Но происходит также *конкуренция между покупателями*, которая, со своей стороны, *повышает* цены предлагаемых товаров.

Наконец, существует *конкуренция между покупателями и продавцами*; одни хотят возможно дешевле купить, другие — возможно дороже продать. Результат этой конкуренции между покупателями и продавцами зависит от того, каково соотношение обеих указанных выше конкурирующих сторон, т. е. от того, где конкуренция сильнее, в лагере покупателей или в лагере продавцов. Промышленность выводит на поле брани друг против друга две армии, причем в собственных рядах каждой из них, в свою очередь, происходит междоусобная борьба. Победу над противником одерживает та армия, в рядах которой меньше драки.

Предположим, что на рынке находится 100 кип хлопка, между тем как покупателям нужно 1 000 таких кип. Следовательно, в этом случае спрос в десять раз превышает предложение. Конкуренция между покупателями будет поэтому очень сильна; каждый из них будет стараться урвать себе хотя бы одну кипу, а по возможности захватить и все 100 кип. Этот пример не является произвольным предположением. В истории торговли мы переживали такие периоды недорода хлопка, когда несколько капиталистов, заключив между собой союз, пытались скупить по сотню кип, а весь запас хлопка, имевшийся на земном шаре. Итак, в приведенном нами случае каждый покупатель постарается устранить другого, предлагая за кипу хлопка относительно более высокую цену. Видя ожесточеннейшую междоусобную борьбу в рядах неприятельского войска и будучи вполне уверенными в продаже всех своих 100 кип, продавцы хлопка поостерегутся вступать в драку между собой, чтобы не понизить цен своего товара в момент, когда их противники наперебой состязаются во взвинчивании цен. Таким образом, в лагере продавцов вдруг водворяется мир. Как *один* человек, противостоят они покупателям, философски скрестив руки, и их притязаниям не было бы предела, если бы предложения даже самых настойчивых покупателей не имели, со своей стороны, весьма определенных границ.

Итак, если предложение какого-нибудь товара меньше, нежели спрос на этот товар, то конкуренция в рядах его продавцов очень слаба или даже вовсе не имеет места. В той самой мере, в какой ослабевает конкуренция между продавцами, возрастает конкуренция между покупателями. Результат — более или менее значительное повышение цен товаров.

Как известно, чаще имеет место обратный случай с обратным результатом: значительное превышение предложения над спросом, отчаянная конкуренция между продавцами, недостаток в покупателях, распродажа товаров за бесценок.

Но что значит повышение и понижение цен, что значит высокая и низкая цена? Песчинка, если ее рассматривать в микроскоп, кажется высокой, а башня низка по сравнению с горой. И если цена определяется соотношением между спросом и предложением, то чем же определяется соотношение между спросом и предложением?

Обратимся к первому встречному буржуа. Ни на минуту не задумываясь, он, как новоявленный Александр Македонский, разрубит этот метафизический узел с помощью таблицы умножения. Если, скажет он нам, производство продаваемого мною товара стоило мне 100 марок, а выручаю я при его продаже 110 марок — разумеется, по истечении года, — то это будет скромная, честная, приличная прибыль. Но если при обмене я получаю 120, 130 марок, то это — высокая прибыль; и, наконец, если бы я выручил целых 200 марок, то это была бы исключительная, огромная прибыль. Итак, что же служит для буржуа *мерой* прибыли? *Издержки производства* его товара. Если он в обмен на свой товар получает известное количество других товаров,

производство которых стоило меньше, чем производство его товара, — он в убытке. Если же в обмен на свой товар он получает известное количество других товаров, производство которых стоило больше, он в выигрыше. Понижение или повышение своей прибыли он измеряет числом градусов, на которое меновая стоимость его товара ниже или выше нуля — *издержек производства*.

Итак, мы видели, что изменение соотношении между спросом и предложением вызывает то повышение, то падение цен, то высокие, то низкие цены. Если, вследствие недостаточного предложения или непомерно возросшего спроса, цена одного товара значительно повышается, то неизбежно соответственно падает цена какого-нибудь другого товара, так как цена товара выражает в деньгах лишь то отношение, в каком другие товары даются в обмен на него. Если, например, цена аршина шелковой материи поднимается с 5 до 6 марок, то цена серебра по отношению к шелковой материи понижается, и точно так же все другие товары, цены которых остались неизменными, понижаются в цене по отношению к шелковой материи. Теперь, чтобы получить в обмен такое же количество шелковой материи, как прежде, нужно давать большее количество товаров. Каковы будут следствия повышения цены товара? Масса капиталов устремится в процветающую отрасль промышленности, и этот прилив капиталов в более выгодную отрасль промышленности будет продолжаться до тех пор, пока прибыль в данной отрасли не упадет до обычного уровня, или, вернее, пока вследствие перепроизводства цена ее продуктов не упадет ниже издержек производства.

Наоборот. Если цена какого-нибудь товара упадет ниже издержек его производства, то капиталы отхлынут из производства данного товара. За исключением того случая, когда данная отрасль промышленности уже не соответствует требованиям времени и потому должна исчезнуть, производство данного товара, т. е. его предложение, вследствие этого бегства капиталов будет сокращаться до тех пор, пока оно не придет в соответствие со спросом, стало быть пока цена товара не поднимется снова до уровня издержек его производства или, вернее, пока предложение не упадет ниже спроса, т. е. пока цена товара не поднимется снова выше издержек его производства, *так как текущая цена товара всегда стоит выше или ниже издержек его производства*.

Мы видим, что капиталы непрерывно отливают и приливают из одной отрасли производства в другую. Высокая цена вызывает слишком сильный прилив, низкая цена — слишком сильный отлив капиталов.

Рассматривая вопрос с другой точки зрения, мы могли бы показать, что не только предложение, но и спрос определяется издержками производства. Однако это отвлекло бы нас слишком далеко от нашего предмета.

Мы только что видели, как колебания спроса и предложения всякий раз приводят цену товара к уровню издержек производства. *Правда, действительная цена товара всегда стоит выше или ниже издержек производства; но повышения и понижения взаимно покрываются*, так что, в пределах определенного промежутка времени, если рассматривать прилив и отлив в промышленности и их общем итоге, товары обмениваются один на другой в соответствии с издержками производства, а следовательно, их цена определяется издержками производства.

Это определение цены издержками производства не следует понимать в том смысле, как его понимают экономисты. Экономисты говорят, что *средняя цена* товаров равна издержкам производства; это, по их мнению, — *закон*. Анархическое движение, в котором повышение цены компенсируется ее падением, а падение — повышением, они рассматривают как случайность. С таким же правом можно было бы — как это и делают иные экономисты — рассматривать колебания цен как закон, а определение их издержками производства как случайность. На самом же деле только в ходе этих колебаний, — приносящих с собой, как выясняется при более близком рассмотрении, ужаснейшие опустошения и сотрясающих, подобно землетрясениям, самые устои буржуазного общества, — только в ходе этих колебаний цены и определяются издержками производства. Совокупное движение этого беспорядка есть его порядок. В ходе этой промышленной анархии, в этом круговороте конкуренция, так сказать, компенсирует одну крайность другою.

Итак, мы видим, что цена товара определяется издержками производства таким образом, что периоды, в течение которых цена данного товара превышает издержки его производства, компенсируются периодами, в течение которых она падает ниже издержек его производства, и наоборот. Конечно, это относится не к каждому отдельному промышленному продукту, а только ко всей отрасли промышленности в целом. И, следовательно, это относится также не к отдельному промышленнику, а только ко всему классу промышленников в целом.

Определение цены издержками производства равносильно определению цены рабочим временем, необходимым для производства товара, так как издержки производства состоят:

1) из сырья и снашивания орудий труда, т. е. из продуктов промышленности, производство которых стоило известного количества рабочих дней и которые, стало быть, представляют определенное количество рабочего времени, и 2) из непосредственного труда, мерой которого тоже является время.

Те же самые общие законы, которые вообще регулируют цену товаров, регулируют, конечно, и *заработную плату, цену труда.*

Оплата труда будет то повышаться, то падать в зависимости от соотношения между спросом и предложением, в зависимости от того, как складывается конкуренция между покупателями рабочей силы, капиталистами, и продавцами рабочей силы, рабочими. Колебания заработной платы в общем соответствуют колебаниям товарных цен. *Но в пределах этих колебаний цена труда определяется издержками производства, рабочим временем, требующимся для того, чтобы создать этот товар, рабочую силу.*

Каковы же издержки производства самой рабочей силы?

Это — издержки, которые требуются для того, чтобы сохранить рабочего как рабочего и подготовить его как рабочего.

Поэтому, чем меньше времени для обучения требует какой-нибудь труд, тем меньше издержки производства рабочего, тем ниже цена его труда, его заработная плата. В тех отраслях промышленности, где не требуется почти никакого времени на обучение и достаточно просто физического существования рабочего, издержки производства, требующиеся для его создания, сводятся почти только к тем товарам, которые нужны для поддержания его жизни и трудоспособности. Поэтому *цена его труда определяется ценой необходимых жизненных средств.*

Здесь, однако, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство.

Фабрикант, исчисляя свои издержки производства, а по ним и цену продуктов, включает в расчет снашивание орудий труда. Если, например, машина стоит ему 1000 марок и снашивается в течение десяти лет, то он ежегодно включает в цену товара по 100 марок, чтобы иметь возможность по прошествии десяти лет заменить изношенную машину новой. Точно так же в состав издержек производства простой рабочей силы должны входить и издержки на продолжение рода, дающие рабочему классу возможность размножаться и заменять потерявших трудоспособность рабочих новыми. Следовательно, снашивание рабочего принимается в расчет точно так же, как и снашивание машины.

Итак, издержки производства простой рабочей силы сводятся к *издержкам существования рабочего и продолжения его рода.* Цена этих издержек существования и продолжения рода составляет заработную плату. Определяемая таким образом заработная плата называется *минимумом заработной платы.* Этот минимум заработной платы, как и вообще определение цены товаров издержками производства, имеет силу не по отношению к *отдельному индивиду,* а ко *всему виду.* Отдельные рабочие, миллионы рабочих получают недостаточно для того, чтобы иметь возможность существовать и продолжать свой род; *но заработная плата всего рабочего класса* в пределах своих колебаний выравнивается по этому минимуму.

Теперь, после того, как мы договорились относительно самых общих законов, регулирующих заработную плату, равно как и цену всякого другого товара, мы можем ближе заняться нашим предметом.

Капитал состоит из сырья, орудий труда и разного рода жизненных средств, которые употребляются на производство нового сырья, новых орудий труда и новых жизненных средств. Все эти составные части капитала представляют собой произведения труда, продукты труда, *накопленный труд*. Накопленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал.

Так говорят экономисты.

Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом*. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе не является *деньгами* или сахар — ценой сахара.

В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их воздействие на природу, имеет место производство.

В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу.

Итак, общественные отношения, при которых производят индивиды, общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества.

Капитал — тоже общественное производственное отношение. Это — буржуазное производственное отношение, производственное отношение буржуазного общества. Жизненные средства, орудия труда, сырье, из которых состоит капитал, — разве все это произведено и накоплено не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются для нового производства не при данных общественных условиях, не в рамках определенных общественных отношений? И разве не этот именно определенный общественный характер превращает продукты, служащие для нового производства, в капитал?

Капитал состоит не только из жизненных средств, орудий труда и сырья, не только из материальных продуктов; он состоит вместе с тем из *меновых стоимостей*. Все продукты, из которых он состоит, представляют собой *товары*. Следовательно, капитал есть не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, *общественных величин*.

Возьмем ли мы вместо шерсти — хлопок, вместо хлеба — рис, вместо железных дорог — пароходы, капитал останется тем же капиталом, если только хлопок, рис, пароходы — плоть капитала — имеют ту же меновую стоимость, ту же цену, что шерсть, хлеб, железные дороги, в которых он воплощался прежде. Плоть капитала может постоянно меняться, не вызывая ни малейшего изменения капитала.

Но если всякий капитал есть сумма товаров, т. е. меновых стоимостей, то далеко не всякая сумма товаров, меновых стоимостей, есть капитал.

Всякая сумма меновых стоимостей есть одна меновая стоимость. Всякая отдельная меновая стоимость есть сумма меновых стоимостей. Например, дом, стоящий 1000 марок, есть меновая стоимость в 1000 марок. Лист бумаги, стоящий 1 пфенниг, есть сумма меновых стоимостей в $\frac{100}{100}$ пфеннигов. Продукты, которые могут обмениваться на другие продукты, суть *товары*. То определенное отношение, в котором они обмениваются, составляет их *меновую стоимость* или, если оно выражено в деньгах, — их *цену*. Количество этих продуктов нисколько не может изменить их назначения быть *товаром*, или представлять *меновую стоимость*, или иметь определенную *цену*. Дерево остается деревом, независимо от того, велико оно или мало. Разве изменится характер железа как товара, как меновой стоимости от того, что мы будем обменивать его на другие продукты не лотами, а центнерами? В зависимости от количества, железо является товаром большей или меньшей стоимости, более высокой или более низкой цены.

Каким же образом сумма товаров, меновых стоимостей, становится капиталом?

Она становится капиталом благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная *сила*, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества*, сохраняется и умножается путем *обмена на непосредственную, живую рабочую силу*. Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости.

Что происходит при обмене между капиталистом и наемным рабочим?

В обмен на свою рабочую силу рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и *придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде*. Рабочий получает от капиталиста часть имеющихся налицо жизненных средств. Для чего служат ему эти жизненные средства? Для непосредственного потребления. Но раз я потребил данные жизненные средства, они для меня безвозвратно потеряны, если только временем, в продолжение которого эти средства поддерживали мою жизнь, я не воспользовался для того, чтобы произвести новые жизненные средства и за время потребления при помощи своего труда создать новые стоимости в возмещение стоимостей, исчезнувших в результате потребления. Но как раз эту-то благородную воспроизводящую силу рабочий и уступает капиталу в обмен на полученные жизненные средства. Следовательно, для него самого она потеряна.

Возьмем такой пример. Фермер дает своему поденщику 5 зильбергрошей в день. За эти 5 зильбергрошей поденщик трудится на поле фермера целый день и обеспечивает ему, таким образом, доход в 10 зильбергрошей. Фермер не только получает возмещение тех стоимостей, которые он дает поденщику, но и удваивает их. Следовательно, 5 зильбергрошей, которые он дал поденщику, он применил, потребил плодотворным, производительным образом. На эти 5

зильбергрошей он именно и купил труд и силу поденщика, которые производят земельные продукты двойной стоимости и превращают 5 зильбергрошей в 10. Поденщик же взамен своей производительной силы, действие которой он именно и уступил фермеру, получает 5 зильбергрошей и обменивает их на жизненные средства, которые быстрее или медленнее потребляет. Следовательно, эти 5 зильбергрошей потреблены двояким образом: *производительно* для капитала, так как он обменял их на рабочую силу¹⁴, которая доставила 10 зильбергрошей, и *непроизводительно* для рабочего, так как он обменял их на жизненные средства, которые навсегда исчезли и стоимость которых он может снова получить лишь при том условии, если повторит тот же самый обмен с фермером. *Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга.*

Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом и посредством последнего создавать новые стоимости.

Капитал может увеличиваться, лишь обмениваясь на рабочую силу, лишь вызывая к жизни наемный труд. Рабочая сила наемного рабочего может обмениваться на капитал лишь при том условии, если она увеличивает капитал, усиливает ту самую власть, рабом которой она является. *Поэтому увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса.*

Стало быть, интересы капиталиста и рабочего *одни и те же*, утверждают буржуа и их экономисты. И в самом деле! Рабочий погибает, если не находит работы у капитала. Капитал погибает, если не эксплуатирует рабочую силу, а чтобы ее эксплуатировать, он должен ее купить. Чем быстрее увеличивается предназначенный для производства капитал, производительный капитал, чем больше, следовательно, процветает промышленность, чем больше обогащается буржуазия, чем лучше идут дела, — тем больше рабочих требуется капиталисту, тем дороже продает себя рабочий.

Выходит, что непереносимым условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является *возможно более быстрый рост производительного капитала.*

Но что такое рост производительного капитала? Это — рост власти накопленного труда над живым трудом. Это — рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства занятости [Beschäftigungsmittel], т. е. средства к жизни, под тем условием, что он снова делается частью капитала, рычагом, снова бросающим капитал в ускоренное движение роста.

Утверждение, что интересы капитала и интересы рабочих одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот.

Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая общность интересов рабочего и капиталиста.

Если капитал возрастает, то возрастает масса наемного труда, растет число наемных рабочих, словом, господство капитала распространяется на большее число людей. Предположим наиболее благоприятный случай: с возрастанием производительного капитала растет спрос на труд, следовательно повышается цена труда, заработная плата.

Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с

¹⁴ В этом месте термин «рабочая сила» не вставлен Энгельсом, а фигурирует уже в тексте, опубликованном Марксом в «*Neue Rheinische Zeitung*».

маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромнен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено.

Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала. Быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны.

Заработная плата вообще определяется не только количеством товаров, которое я могу получить в обмен на нее. В ней содержатся различные отношения.

Прежде всего, рабочий получает за свою рабочую силу определенную сумму денег. Определяется ли заработная плата только этой денежной ценой?

В XVI веке, вследствие открытия в Америке более богатых и легче поддающихся разработке приисков, увеличилось количество обращавшегося в Европе золота и серебра. Поэтому стоимость золота и серебра упала по отношению к остальным товарам. Рабочие же получали за свою рабочую силу то же количество серебра в монете, что и раньше. Денежная цена их труда осталась та же, но, несмотря на это, их заработная плата упала, так как в обмен на то же количество серебра они стали получать меньшее количество других товаров. Это было одним из обстоятельств, способствовавших возрастанию капитала, подъему буржуазии в XVI веке.

Возьмем другой случай. Зимой 1847 г., вследствие неурожая, значительно повысились в цене самые необходимые жизненные средства: хлеб, мясо, масло, сыр и т. д. Допустим, что рабочие получали за свою рабочую силу ту же сумму денег, что и прежде. Разве их заработная плата не упала? Конечно, упала. За те же деньги они стали получать при обмене меньше хлеба, мяса и т. д. Их заработная плата упала не потому, что уменьшилась стоимость серебра, а потому, что увеличилась стоимость жизненных средств.

Предположим, наконец, что денежная цена труда остается неизменной, между тем как все земледельческие и промышленные товары упали в цене вследствие применения новых машин, вследствие более благоприятного сезона и т. д. Теперь за те же деньги рабочие могут купить больше всякого рода товаров. Следовательно, их заработная плата повысилась именно потому, что ее денежная стоимость осталась неизменной.

Итак, денежная цена труда, номинальная заработная плата, не совпадает с реальной заработной платой, т. е. с тем количеством товаров, которое действительно дается в обмен на заработную плату. Поэтому, говоря о повышении или понижении заработной платы, мы должны иметь в виду не только денежную цену труда, не только номинальную заработную плату.

Но ни номинальная заработная плата, т. е. та сумма денег, за которую рабочий продает себя капиталисту, ни реальная заработная плата, т. е. то количество товаров, которое он может купить на эти деньги, не исчерпывают заключающихся в заработной плате отношений.

Заработная плата, кроме того, определяется в первую очередь своим отношением к барышу, к прибыли капиталиста; это — сравнительная, относительная заработная плата.

Реальная заработная плата выражает цену труда по отношению к цене остальных товаров, относительная же заработная плата выражает ту долю вновь созданной трудом стоимости, которую получает непосредственный труд, по отношению к той доле этой стоимости, которая достается накопленному труду, капиталу.

Выше, стр. 14¹⁵, мы говорили: «Заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющегося налицо товара, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительной рабочей силы». Но капиталист должен вновь возместить эту заработную плату из выручки от продажи созданного рабочим продукта; он должен возместить ее так, чтобы у него, как правило, оставался еще избыток сверх сделанных им издержек производства, прибыль. Продажная цена произведенного рабочим товара распадается для капиталиста на три части: *во-первых*, возмещение цены авансированного им сырья, наряду с возмещением снашивания орудий, машин и других средств труда, также авансированных им; *во-вторых*, возмещение авансированной капиталистом заработной платы, и *в-третьих*, избыток сверх этого, прибыль капиталиста. В то время как первая часть лишь возмещает *стоимости, имевшиеся уже раньше*, ясно, что и возмещение заработной платы и избыток, составляющий прибыль капиталиста, целиком берутся из *новой стоимости, созданной трудом рабочего* и присоединенной к стоимости сырья. И *в этом смысле*, для сравнения их друг с другом, мы можем рассматривать и заработную плату и прибыль как доли в продукте, произведенном рабочим.

Реальная заработная плата может остаться неизменной, она может даже повыситься, и тем не менее относительная заработная плата может упасть. Предположим, например, что все жизненные средства упали в цене на $\frac{2}{3}$, а поденная заработная плата понизилась только на $\frac{1}{3}$, например, с 3 марок до 2. Хотя на эти 2 марки рабочий может приобрести большее количество товаров, чем прежде на 3 марки, но все же по отношению к прибыли капиталиста его заработная плата уменьшилась. Прибыль капиталиста (например, фабриканта) увеличилась на одну марку, другими словами, за меньшую сумму меновых стоимостей, уплачиваемых рабочему капиталистом, рабочий должен теперь произвести большую, чем прежде, сумму меновых стоимостей. Доля капитала повысилась по сравнению с долей труда. Распределение общественного богатства между капиталом и трудом стало еще более неравномерным. С помощью того же капитала капиталист господствует над большим количеством труда. Власть класса капиталистов над рабочим классом возросла, общественное положение рабочего ухудшилось, стало еще одной ступенью ниже по сравнению с положением капиталиста.

Каков же тот общий закон, который определяет понижение и повышение заработной платы и прибыли по отношению друг к другу?

Заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу. Доля капитала, прибыль, повышается в той же пропорции, в какой понижается доля труда, поденная плата, и наоборот. Прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата, и понижается в той же мере, в какой повышается заработная плата.

Пожалуй, на это возразят, что капиталист может выиграть благодаря выгодному обмену своих продуктов с другими капиталистами, благодаря тому, что, в результате открытия новых рынков или в результате внезапного возрастания потребностей на старых рынках и т. д., повысится спрос на его товар; что, следовательно, прибыль одного капиталиста может увеличиться за счет других капиталистов, независимо от повышения и падения заработной платы, меновой стоимости рабочей силы; или что прибыль капиталиста может быть повышена также благодаря улучшению орудий труда, новым способам применения сил природы и т.д.

Прежде всего придется признать, что результат остается тот же, хотя он и достигнут обратным путем. Правда, прибыль увеличилась не потому, что упала заработная плата, но заработная плата упала оттого, что прибыль возросла. На то же самое количество чужого труда капиталист купил большее количество меновых стоимостей, не оплачивая при этом труд дороже; это

¹⁵ См. настоящий том, стр. 156.

значит, что труд оплачивается дешевле по сравнению с тем чистым доходом, который он приносит капиталисту.

Напомним к тому же, что, несмотря на колебания товарных цен, средняя цена каждого товара, пропорция, в которой он обменивается на другие товары, определяется *издержками его производства*. Поэтому взаимные обсчеты капиталистов в пределах класса капиталистов в целом неизбежно уравниваются. Усовершенствование машин, новые способы применения сил природы в производстве позволяют создать в течение определенного рабочего времени при том же количестве труда и капитала большую массу продуктов, но никак не большую массу меновых стоимостей. Если, применяя прядильную машину, я могу произвести в час вдвое больше пряжи, чем производили до ее изобретения, например, сто фунтов вместо пятидесяти, то в обмен на эти сто фунтов я буду получать в среднем за более или менее продолжительное время не больше товаров, чем прежде за пятьдесят фунтов, потому что издержки производства упали наполовину или потому что при тех же самых издержках я могу произвести удвоенное количество продукта.

Наконец, в какой бы пропорции ни распределял между собой класс капиталистов, буржуазия, — одной ли страны или всего мирового рынка — чистый доход от производства, общая сумма этого чистого дохода во всяком случае представляет собой только ту сумму, на которую непосредственный труд увеличивает в целом труд накопленный. Следовательно, эта общая сумма растет в той же пропорции, в которой труд увеличивает капитал, т. е. в той же пропорции, в которой прибыль повышается по сравнению с заработной платой.

Итак, мы видим, что если даже мы остаемся *в пределах отношений между капиталом и наемным трудом, интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны*.

Быстрое увеличение капитала равносильно быстрому увеличению прибыли. Прибыль же может увеличиваться быстро лишь при том условии, если цена труда, если относительная заработная плата столь же быстро уменьшается. Относительная заработная плата может падать даже и том случае, когда вместо с номинальной заработной платой, с денежной стоимостью труда, повышается и реальная заработная плата, но если только эта последняя повышается не в такой степени, как прибыль. Если, например, в периоды благоприятного хода дел заработная плата повышается на 5%, а прибыль — на 30%, то сравнительная, относительная заработная плата не *увеличивается, а уменьшается*.

Таким образом, если при быстром росте капитала и увеличивается доход рабочего, то одновременно увеличивается и общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, а вместе с тем увеличивается и власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала.

Утверждение, что рабочий заинтересован в быстром росте капитала, на дело означает лишь следующее: чем быстрее рабочий умножает чужое богатство, тем более жирные крохи ему перепадают, тем больше рабочих могут получить работу и быть призваны к жизни, тем больше может увеличиться число зависимых от капитала рабов.

Итак, мы видели следующее:

Даже самая благоприятная для рабочего класса ситуация, возможно более быстрый рост капитала, как бы ни улучшала она материальное существование рабочего, не уничтожает противоположности между его интересами и интересами буржуа, интересами капиталиста. Прибыль и заработная плата по-прежнему находятся в обратном отношении друг к другу.

Если капитал возрастает быстро, заработная плата может повыситься; но несравненно быстрее повышается прибыль капиталиста. Материальное положение рабочего улучшилось, но за счет его общественного положения. Общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширилась.

Наконец:

Утверждение, что возможно более быстрый рост производительного капитала является для наемного труда наиболее благоприятным условием, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующую над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением богатства буржуазии, над увеличением власти капитала — работать, довольствуясь тем, что он сам куёт золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой.

Но действительно ли *рост производительного капитала* так неразрывно связан с *повышением заработной платы*, как это утверждают буржуазные экономисты? Мы не должны им верить на слово. Мы не можем поверить им даже в том, будто чем жирнее капитал, тем лучше откармливается его раб. Буржуазия слишком просвещена, слишком расчетлива, чтобы разделять предрассудки феодала, щеголяющего блеском своей челяди. Условия существования буржуазии заставляют ее быть расчетливой.

Мы должны будем поэтому поближе исследовать вопрос: *Как влияет рост производительного капитала на заработную плату?*

Если производительный капитал буржуазного общества в общем и целом возрастает, то происходит *более многостороннее* накопление труда. Число капиталистов и размеры их капитала увеличиваются. *Умножение* капиталов усиливает *конкуренцию между капиталистами*. *Увеличение размера* капиталов дает возможность *выводить на поле промышленной битвы более мощные армии рабочих, вооруженные более грандиозными орудиями борьбы*.

Один капиталист может вытеснить другого с поля битвы и завладеть его капиталом лишь в том случае, если продает дешевле. Чтобы иметь возможность продавать дешевле, не разоряясь при этом, он должен дешевле производить, т. е. как можно более увеличивать производительную силу труда. Производительная же сила труда увеличивается прежде всего путем *большого разделения труда*, путем более всестороннего применения и постоянного усовершенствования *машин*. Чем больше армия рабочих, внутри которой разделен труд, чем грандиознее масштаб, в котором применяются машины, тем относительно быстрее сокращаются издержки производства, тем более производительным становится труд. Поэтому между капиталистами возникает всестороннее соперничество — они стремятся увеличивать разделение труда и количество машин и использовать их в возможно более крупном масштабе.

Но как поступит капиталист, если, благодаря большому разделению труда, применению новых машин и их усовершенствованию, благодаря более выгодному и более широкому использованию сил природы, он получит возможность с тем же количеством труда или накопленного труда производить большее количество продуктов, товаров, чем его конкуренты, например, если в то же рабочее время, в продолжение которого его конкуренты ткут пол-аршина холста, он сможет производить целый аршин?

Он мог бы по-прежнему продавать пол-аршина холста по старой рыночной цене, но в таком случае он не смог бы вытеснить своих противников с поля битвы и не смог бы увеличить свой собственный сбыт. А между тем, в той же мере, в какой расширилось его производство, возросла и его потребность в сбыте. Правда, вызванные им к жизни более мощные и более дорогие средства производства *дают* ему *возможность* продавать товар дешевле, но зато они вместе с тем *вынуждают* его *продавать больше товаров*, завоевывать для своих товаров несравненно *большой* рынок; поэтому наш капиталист будет продавать пол-аршина холста дешевле, чем его конкуренты.

Но, хотя производство целого аршина стоит капиталисту не дороже, чем другим производство пол-аршина, он не станет продавать целый аршин по той же цене, по какой его конкуренты продают пол-аршина. В противном случае он не получил бы никакого добавочного барыша, а только вернул бы с помощью обмена свои издержки производства. И если бы его доход все-таки увеличился, то это произошло бы лишь оттого, что он привел в движение больший капитал, а не

оттого, что его капитал увеличивал свою стоимость в большей мере, чем другие капиталы. Кроме того, он достигает той цели, к которой стремится, когда назначает за свой товар цену лишь на несколько процентов ниже своих конкурентов. *Сбивая цены*, он вытесняет своих конкурентов с рынка или, по крайней мере, отвоевывает у них часть их сбыта. И, наконец, напомним, что текущая цена всегда *выше или ниже издержек производства*, в зависимости от того, продается ли данный товар в благоприятный или неблагоприятный для промышленности сезон. Смотря по тому, стоит ли рыночная цена аршина холста выше или ниже обычных до сих пор издержек производства, будут изменяться те проценты, которые выручит сверх своих действительных издержек производства капиталист, применивший новые, более продуктивные средства производства.

Однако *привилегия* нашего капиталиста недолговечна: другие соперничающие с ним капиталисты вводят такие же машины, такое же разделение труда, вводят их в таком же или еще большем масштабе, — и эти нововведения распространяются до тех пор, пока цена холста не *упадет* не только *ниже прежних*, но и *ниже новых издержек производства*.

Итак, капиталисты оказываются по отношению друг к другу в том же положении, в каком они находились *до* введения новых средств производства, и если благодаря этим средствам производства они могли за прежнюю цену доставлять двойное количество продуктов, то *теперь* они вынуждены продавать двойное количество продукта за цену *ниже* прежней. На уровне этих новых издержек производства та же самая игра начинается сначала. Снова вводится большее разделение труда, вновь увеличивается количество машин, возрастает масштаб использования этого разделения труда и этих машин. А конкуренция опять порождает противодействие этому результату.

Мы видим, каким образом непрерывно преобразуется, революционизируется способ производства, средства производства, *как разделение труда неизбежно влечет за собой еще большее разделение труда, применение машин — еще более широкое применение машин, производство в крупном масштабе — производство в еще более крупном масштабе*.

Это — закон, который все снова и снова выбивает буржуазное производство из прежней колеи и принуждает капитал напрягать производительные силы труда, *потому что он* напрягал их раньше, закон, который не дает капиталу ни минуты покоя и постоянно нашептывает ему: Вперед! Вперед!

Это именно тот самый закон, который в рамках периодических колебаний торговли неизбежно *выравнивает* цену товара по его *издержкам производства*.

Какие бы мощные средства производства ни пустил в ход капиталист, конкуренция приводит к их всеобщему применению, и с того момента, как применение их станет всеобщим, единственным следствием большей производительности его капитала оказывается лишь то, что *за ту же цену* он должен доставлять теперь в 10, 20, 100 раз больше продуктов, чем доставлял раньше. Но так как теперь ему приходится сбывать, быть может, в 1000 раз больше, для того чтобы увеличением количества продаваемого продукта компенсировать понижение продажной цены; так как продажа большего количества товаров необходима ему теперь не только для того, чтобы получить больше прибыли, но и для того чтобы возместить издержки производства, — ведь сами орудия производства становятся, как мы видели, все дороже; так как эта массовая продажа стала теперь вопросом жизни не только для него, но и для его соперников, то прежняя борьба разгорается *с тем большим ожесточением, чем производительнее уже изобретенные средства производства. Следовательно, разделение труда и применение машин будут снова развиваться в несравненно большем масштабе*.

Какова бы ни была мощь применяемых средств производства, конкуренция стремится отнять у капитала золотые плоды этой мощи, низводит цену товара до уровня издержек производства; следовательно в той самой мере, в какой появляется возможность производить дешевле, т. е. производить больше продуктов с помощью того же самого количества труда, конкуренция делает удешевление производства, поставку все возрастающих масс продуктов за прежнюю

сумму цен непреложным законом. Таким образом, капиталист ничего не выиграл бы от своих усилий, кроме обязанности производить больше товаров в течение прежнего рабочего времени, словом, кроме *ухудшения условий, при которых совершается возрастание стоимости его капитала*. Поэтому, в то время как конкуренция постоянно преследует капиталиста своим законом издержек производства и всякое оружие, выкованное им против своих соперников, направляет против него самого, капиталист постоянно старается перехитрить конкуренцию, неустанно вводя вместо старых машин и старого разделения труда новые, правда, более дорогие, но удешевляющие производство машины и новое разделение труда, и не дожидается, пока в результате конкуренции эти нововведения устареют.

Представим себе теперь, что это лихорадочное возбуждение одновременно охватило *весь мировой рынок*, — и мы поймем, каким образом рост, накопление и концентрация капитала ведут к непрерывному, само себя обгоняющему, осуществляемому во все более исполинских масштабах разделению труда, применению новых машин и усовершенствованию старых.

Как же эти обстоятельства, неотделимые от роста производительного капитала, влияют на определение заработной платы?

Большее *разделение труда* дает возможность *одному* рабочему выполнять работу 5, 10, 20 человек; следовательно, оно увеличивает конкуренцию между рабочими в 5, 10 и 20 раз. Конкуренция между рабочими состоит не только в том, что один рабочий продает себя дешевле другого, но и в том, что *один* рабочий выполняет работу 5, 10, 20 человек; и к этого рода конкуренции принуждает рабочих *разделение труда*, вводимое и постоянно расширяемое капиталом.

Далее. В той же мере, в какой увеличивается *разделение труда*, труд *упрощается*. Особая искусность рабочего утрачивает всякую ценность. Рабочий превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или умственных способностей и навыков. Его труд становится трудом, доступным для всех. Поэтому рабочего со всех сторон теснят конкуренты; напомним к тому же, что чем проще какая-нибудь работа, чем легче ей научиться,

чем меньше издержек производства требуется для ее усвоения, тем ниже падает заработная плата, потому что заработная плата, подобно цене всякого товара, определяется издержками производства.

Итак, в той же мере, в какой труд перестает доставлять удовлетворение, становится все более отталкивающим, — в той же самой мере конкуренция увеличивается, а заработная плата уменьшается. Рабочий пытается отстоять общую сумму своей заработной платы тем, что больше трудится: работает большее число часов или изготовляет больше в течение одного часа. Подгоняемый нуждой, он, таким образом, еще больше усиливает губительные последствия разделения труда. Результат таков: *чем больше он работает, тем меньшую плату он получает*; и это по той простой причине, что чем больше он работает, тем более сильную конкуренцию он создает своим товарищам по работе и потому превращает своих товарищей в конкурентов самому себе, в конкурентов, которые предлагают себя на таких же плохих условиях, как и он сам; следовательно, по той простой причине, что он в конечном счете *создает конкуренцию самому себе, самому себе как члену рабочего класса*.

Машины производят то же самое действие, но в гораздо большем масштабе, так как они вытесняют искусных рабочих малоискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми, так как машины там, где они вводятся впервые, массами выбрасывают на улицу рабочих ручного труда, а там, где машины усовершенствуются, улучшаются, заменяются более производительными машинами, они вытесняют отдельные группы рабочих. Мы бегло обрисовали выше промышленную войну капиталистов между собой. *Эта война имеет ту особенность, что здесь сражения выигрываются не столько путем увеличения армии рабочих, сколько путем уменьшения ее. Полководцы, капиталисты состязаются между собой в том, кто сможет уволить большее число промышленных солдат.*

Правда, экономисты рассказывают нам, будто рабочие, ставшие благодаря машинам излишними, находят работу в *новых* отраслях промышленности.

Они не осмеливаются прямо утверждать, что в новых отраслях труда находят себе пристанище те же самые рабочие, которые были уволены. Факты слишком громко вопиют против такой лжи. Они, собственно, только утверждают, что новые средства занятости открываются для *других составных частей рабочего класса*, например, для той части молодого поколения рабочих, которая уже была готова вступить в погибшую отрасль промышленности. Это, конечно, большое утешение для обездоленных рабочих. У господ капиталистов не будет недостатка и свежих, пригодных для эксплуатации мускулах и крови, они предоставляют мертвым погребать своих мертвецов. Это — утешение, которое буржуа находят скорее для самих себя, чем для рабочих. Ведь если бы машины уничтожили весь класс наемных рабочих, какие ужасные времена настали бы для капитала, который без наемного труда перестает быть капиталом!

Допустим, однако, что как рабочие, непосредственно вытесненные машинами, так и вся та часть молодого поколения, которая уже рассчитывала на заработок в данной отрасли, *находят себе новую работу*. Можно ли поверить, что новая работа будет оплачиваться так же высоко, как потерянная? *Это противоречило бы всем экономическим законам*. Мы видели, что современная промышленность несет с собой постоянную замену более сложной и высшей работы упрощенной, низшей.

Как же в таком случае масса рабочих, вытесненных машинами из одной отрасли промышленности, может найти пристанище в другой отрасли иначе, как при условии *низшей, худшей оплаты?*

Как на исключение, указывали на рабочих, занятых производством самих машин. Поскольку, мол, в промышленности требуется и потребляется больше машин, число их неизбежно должно увеличиваться, стало быть должно увеличиваться и производство машин, а вместе с тем и число занятых в этом производстве рабочих; а ведь рабочие, занятые в этой отрасли промышленности, принадлежат к числу квалифицированных, более того — образованных рабочих.

С 1840 г. это утверждение, уже и прежде верное лишь наполовину, утратило всякую тень правдоподобия, так как для производства машин все более всесторонне применяются машины, не больше и не меньше, чем при производстве хлопчатобумажной пряжи, и рабочие, занятые в производстве машин, по сравнению с весьма совершенными машинами могут играть только роль весьма несовершенных машин.

Но вместо одного вытесненного машиной мужчины фабрика дает работу, быть может, *троим* детям и *одной* женщине! А разве заработной платы мужчины не должно было хватать для прокормления троих детей и жены? Разве минимум заработной платы не должен был быть достаточным для поддержания и размножения рода? Что же в таком случае доказывают эти излюбленные буржуазные фразы? Только одно: что теперь для того, чтобы обеспечить существование для *одной* рабочей семьи, потребляется вчетверо больше рабочих жизней, чем прежде.

Резюмируем: *Чем больше возрастает производительный капитал, тем больше расширяется разделение труда и применение машин. Чем больше расширяется разделение труда и применение машин, тем более усиливается конкуренция между рабочими, тем более уменьшается их заработная плата.*

К тому же рабочий класс пополняется и из *более высоких слоев общества*; в ряды пролетариата опускается множество мелких промышленников и мелких рантье, которым не остается ничего иного, как поскорее поднять свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом, лес рук, простертых вверх с требованием работы, становится все более густым, а сами руки — все более худыми.

Само собой понятно, что мелкий промышленник не может выдержать такой борьбы, одним из первых условий которой является производство в постоянно расширяющемся масштабе, т. е. необходимость быть именно крупным, а отнюдь не мелким промышленником.

Конечно, не требует дальнейших пояснений и то обстоятельство, что процент с капитала уменьшается в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличивается его масса и численность; что поэтому мелкий рантье лишается возможности существовать на свою ренту и должен устремиться в промышленность, т. е. пополнить собой ряды мелких промышленников и вместе с тем увеличить число кандидатов в пролетарии.

Наконец, в той же самой степени, в какой вышеописанный ход развития вынуждает капиталистов во все возрастающих масштабах эксплуатировать уже существующие исполинские средства производства и с этой целью приводить в движение все пружины кредита, в той же степени учащаются промышленные землетрясения, при которых торговый мир сохраняется лишь благодаря тому, что приносит в жертву подземным богам часть богатства, продуктов и даже производительных сил, — словом, усиливаются *кризисы*. Они учащаются и становятся все острее уже потому, что по мере того как увеличивается масса продуктов, а следовательно, растет потребность в расширении рынков, все более суживается всемирный рынок, остается для эксплуатации все меньше новых рынков, так как каждый предшествующий кризис вовлекал во всемирную торговлю новые или до того времени лишь поверхностно эксплуатировавшиеся ею рынки. Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Мы видим, таким образом: *если капитал растет быстро, то еще несравненно быстрее растет конкуренция между рабочими, т. е. чем быстрее растет капитал, тем относительно сильнее сокращаются средства занятости, средства к жизни для рабочего класса; и тем не менее быстрый рост капитала является условием, наиболее благоприятным для наемного труда*¹⁶.

Написано К. Марксом на основе лекций, прочитанных им во второй половине декабря 1847 г.

Опубликовано в «Neue Rheinische Zeitung» №№ 264—267 и 269; 5—8 и 11 апреля 1849 г. и отдельной брошюрой с предисловием и под редакцией Энгельса в Берлине в 1891 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

¹⁶ Как указывает Энгельс (см. настоящий том, стр. 144), работа осталась незаконченной. Печатаение статей было прервано ввиду временного отъезда Маркса из Кёльна, а затем вследствие обострения политической обстановки в Германии и прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung». См. также прим. 6.